

К 55-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

© 2000 г., ЭО, № 3

Л.Н. Пушкарев

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны)

Не существующий в настоящее время «советский народ» в годы Великой Отечественной войны представлял собой объединение людей разных национальностей и слоев с общим и явственно обозначенным менталитетом. Давно и подробно исследованы многие черты мировоззрения народа-воина, особенно его общественно-политические взгляды, патриотизм, самоотверженность, готовность к подвигу во имя защиты Родины и т.д. В то же время некоторые стороны менталитета нашего народа были не только не раскрыты, но фактически не обозначены и не определены. Объясняется это в первую очередь идеологической заданностью целей изучения мировоззрения народа и невозможностью в прежних условиях избавиться от узости исследовательского подхода к данной проблеме.

Советский народ в годы войны был представлен фронтовиками – теми, кто с оружием в руках защищал Родину (комбатанты), и теми, кто по долгу службы был связан с фронтом (дорожники, связисты, автобаты, госпитали и пр.). И хотя фронтовики не исчерпывали, естественно, всего населения СССР, а только составляли его часть¹, тем не менее изучение менталитета участников войны вполне оправданно и научно значимо.

Долгое время тема «Человек на войне» казалась периферийной. Лишь в самые последние годы появились работы, характеризующие взгляды и душевное состояние некоего фронтового поколения – разновозрастных и разнонациональных участников боевых действий 1941–1945 гг. Среди таких работ следует выделить статьи и монографии Е.С. Сениявской. Дочь офицера-фронтовика, она посвятила себя изучению историко-психологического аспекта жизни фронтовиков и постаралась исследовать их душевные качества, чувства, мысли, настроения, веру в победу, а также суеверия в военном быту². Психология участников вооруженных конфликтов XX в. исследовалась военными психологами и социологами; их работы также получили соответствующую оценку в монографии Е.С. Сениявской³. Однако действительно многостороннее научное изучение этой темы только начинается.

Во многом недостаток наших знаний о менталитете фронтовиков (и советского народа в целом) в годы войны объясняется ограниченностью источниковой базы, а главное выборочным анализом содержащихся в источниках сведений. Из источников брали лишь то, что было нужно идеологическим заказчикам исторических исследований, т.е. только те факты, которые говорили о патриотизме фронтовиков и советского народа, его вере в партию и Сталина, его готовности к подвигам во имя защиты Родины и т.д. Все эти факты действительно содержались в анализируемых нарративах, так что исследователи не грешили против истины. Вместе с тем в них было и много иного, мимо чего историки, как правило, проходили – одни сознательно,

другие – неосознанно. В частности, неизученными (или изученными слабо) оказались мысли и чувства человека на войне, установки его сознания, восприятие военной действительности через движения не столько разума, сколько сердца и души. Поэтому можно сказать, что до сих пор не установлена та совокупность мыслей, чувств, настроений и предрассудков народа-воина, которая и влияла на его мышление (а в значительной степени и на поведение!) в годы войны, т.е. не раскрыт менталитет фронтовика.

Менталитет – понятие необыкновенно емкое. Для историка менталитет общества на определенном этапе развития последнего больше, чем история идей, глубже, чем идеология (в том числе и религия), шире, чем история культуры и быта, объемнее, чем история цивилизации. И все потому, что важнейшие составляющие менталитета – не столько идеи, сколько чувства, настроения, мнения, впечатления, вроде бы и незаметные на первый взгляд, но на самом деле исподволь управляющие человеком и определяющие его поведение⁴.

Я был одним из немногих фронтовиков-фольклористов, наблюдавших бытование фольклора на фронте, записывавших его, и главное сумевших сохранить эти записи в круговерти войны. Поэтому все приводимые ниже примеры и тексты (кроме специально оговоренных) даны без ссылок на их публикацию или место хранения.

Казалось бы, что могут дать для изучения такого духовного по своей сути и трудно определяемого явления, как менталитет, **вещественные источники**? Они могут рассказать многое. К ним относятся все предметы фронтового быта, особенно те, при изготовлении которых бойцы стремились выразить свои чувства. Взять, к примеру, временные обелиски, созданные бойцами на месте гибели товарищей. Они были очень скромны и непрезентабельны. Иногда это сделанная из фанеры пирамидка с фанерной же звездой наверху (вспомним пронзительные стихи Б. Окуджавы об однополчанине, спящем «под фанерною звездой!»), а чаще просто столбик с небольшой дощечкой, на которой было написано имя погибшего, иногда с краткими биографическими данными и указанием на принадлежность к роду войск: танкист, пехотинец, сапер и т.д.

Нередко на могилу клали предметы военного быта – простреленную каску (пехотинец), руль от автомашины (шофер), трак от гусеницы (танкист), но везде присутствовала звезда как символ Красной Армии – фанерная или из жести консервной банки, иногда выкрашенная в красный цвет. Все это – несомненные ментальные признаки.

Изображение звезды часто встречалось и на артиллерийских гильзах, сплюснутых и превращенных в коптилки – обычная деталь солдатских землянок. На них нередко выцарапывались краткие лозунги типа «Смерть немецким оккупантам!» (самый распространенный) или позднее: «Дойдем до Берлина!» Иногда это были женские имена, а два раза – известная стихотворная строка К. Симонова: «Жди меня, и я вернусь!»

Несомненное ментальное значение имел и пограничный полосатый столб с надписью «СССР». Эти столбы бойцы устанавливали, когда мы вышли на старую государственную границу СССР. Их делали заранее и устанавливали в сопровождении ружейных залпов – шутка ли сказать, освободили родную землю, впереди – Европа! Мною была записана частушка (от Т. Семушкина, Саратовская обл.), сложенная по этому поводу:

Вырыл я себе окоп,
Мне – жилье, фашисту – гроб,
И из этого окопа
Мы пойдем уже в Европу!

Интересно, что бойцы стремились вырыть окоп так, чтобы он проходил точно по линии границы, но это не всегда, конечно, было возможно.

Особое значение для изучения менталитета имели те вещественные источники,

которые снабжались надписями, раскрывавшими чувства их создателя или владельца. Разумеется, такие источники следует отнести к пограничным с письменными, и есть все основания рассматривать надпись на вещественных памятниках как один из вариантов письменного источника. Ведь для исследователя в конце концов принципиального значения не имеет, где эти надписи были сделаны: в тетради, песеннике, дневнике или же на транспаранте, столбе или стенке вагона (в период демобилизации). Я рассматриваю эти источники в группе вещественных, потому что фольклористы и этнографы обычно не обращали внимания как на сам этот факт, так и до самого последнего времени на письменную форму бытования фольклора. Учитывая это, я попытаюсь ниже охарактеризовать некоторые встретившиеся мне на фронте вещественные памятники, какими они мне помнятся.

В них так или иначе отобразился солдатский менталитет. Мне приходилось, например, видеть алюминиевые кружки и котелки с нанесенными на них надписями, схемами и рисунками, раскрывающими внутренний мир владельца этих вещей. Например, по котелку Леонида Степановича Скобелева, крестьянина из-под Осташкова, можно было проследить весь его боевой путь: от оз. Селигер к Малоярославцу, далее – Москва, Подлипки (206-й запасной полк), Баковка, Бородино, Смоленск, Могилев, Жешув, Польша, Восточная Пруссия, Данциг и, наконец, Штеттин, где он и закончил войну. На одном боку котелка имелась надпись: «За нашу родную Волгу, за Селигер!» (Скобелев родился и жил у истоков Волги), а на другом: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди!»

Историку, изучающему менталитет, нельзя пройти и мимо надписей-вышивок на кисетах. Среди них мне попадались такие: «Помни обо мне!», «Закури и вспомни меня», «Защищай Родину», «Жду и люблю», «Возвращайся живой», «Жду тебя, и я дождусь!» и т.д. Наряду с кисетом к числу вещественных источников надо отнести и кресало для высекания искры – у каждого солдата оно было свое, а чужим с непривычки он порой и воспользоваться не мог.

А вот что можно при внимательном отношении к делу обнаружить на указателе «До Берлина – 50 км». На нем слово «Берлин» зачеркнуто и поверх него написано: «До Берлога», а на свободном поле от руки разными почерками карандашом сделаны надписи:

1. «Осталось совсем немного –
Вот она, фашистская берлога!»
2. «Длины были дороги
От Костромы к берлоге!»
3. «И моя дорога
Привела к берлоге. Соломатин»
4. «Повидал я много –
Увижу и берлогу! Вот это да! Иван.»
5. «Костромичи! Держите ногу!
Идем громить врага в берлогу!»
6. «Наша Кострома
Доведет берлогу до ума!»

Так вышло, что у меня сохранились выписки только с этого указателя, на котором выразили свои чувства войны, пришедшие на фронт из Костромы. Замена «Берлина» на «берлогу» вполне может быть сопоставлена с известным из многих этнографических материалов табуированием названия того или иного опасного объекта, а Берлин и был для наших воинов именно таким «крепким орешком» на пути к победе.

Надписи подобного рода встречались мне на придорожных транспарантах, указателях, фронтовых листовках, боевых машинах, грузовиках и даже на железнодорожных вагонах (особенно в период демобилизации). Однако подробно останавливаться на этом вопросе не буду, поскольку уже освещал его в печати⁵.

Источником для изучения менталитета могут быть и данные языка, т.е. **лингвистические** источники, и в частности антропонимия. Известно, что на фронте многие боевые машины получали ласковые имена-прозвища, свидетельствующие о сердечном к ним отношении со стороны бойцов. Так, за реактивным минометом прочно закрепилось имя «Катюша», взятое из известной песни М. Блантера и М. Исаковского. При залпах реактивных минометов на фронте говорили: «Ну, вот, «Катюша» запела!» или: «Катюша поет – фашистам житья не дает!». «Катюшей» называли и кресало, которым высекали огонь при закуривании. В то же время появившиеся в конце войны бензиновые зажигалки «Катюшами» никто не называл. Фольклористы зафиксировали случаи, когда на фронте шестиствольный миномет называли «Ванюшей». Ласковые прозвища носили и самолеты – «Кукурузник», «Ястребок».

Следует сказать, что самолет «У-2» (позднее «ПО-2») пользовался на фронте особыми симпатиями. Как только его ни называли: «консервная банка», «спичечная коробка», «огородник», «уточка», «барабанщик» и даже «король воздуха»! Сколько скрытой любви и гордости таили в себе эти внешне грубоватые и слегка насмешливые имена, и как своеобразно преломлялся в них менталитет советского народа! Иногда этот самолет получал и человеческие прозвища: «Иван-полуночник», «Яшка-приписник», «Старшина фронта» и пр. Сравните с этими названиями прозвища, которыми награждались фашистские самолеты: «кочерга», «костыль», «горбач», «каракатица» («Хейнкель-126»), «рама», «макаронник», «штанина» («Фоке-Вульф-189») – все они резко отличались по своему ментальному настрою от приведенных выше⁶. Во всех этих прозвищах своеобразно отобразились поэтическая одаренность русского человека, его острая наблюдательность и чувство юмора. Как не вспомнить здесь Н.В. Гоголя, сказавшего, что «нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово!»⁷

Показательно широкое бытование на фронте аббревиатур, вошедших в речевой оборот, типа ППД («Пистолет-пулемет Дегтярева»), ППШ («Пистолет-пулемет Шпагина»): «ППД да ППШ – вот машинка хороша!» На фронте же, и особенно в прифронтной полосе, мне часто приходилось в конце войны слышать такую частушку, связанную с аббревиатурой «ППЖ» («Полевая походная жена»):

Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро временные жены
Как коровы заревут!

Если сокращения ППД и ППШ часто встречались на страницах печати и звучали на радио, то о ППЖ предпочитали помалкивать, стыдливо закрывая глаза на часто встречающуюся на фронте и довольно распространенную среди офицеров ситуацию.

Что касается **этнографических** источников, то надо признать, что это наименее исследованный тип исторического источника применительно к нашей теме. Этнографы уделили ему мало внимания, специальных экспедиций по сбору этнографических материалов и дальнейшему их изучению не проводилось. А жаль, потому что со смертью участников войны исчезнут и те немногие факты, что были уже собраны и отмечены. Поэтому остановлюсь лишь на тех, которые мне приходилось наблюдать.

Военная жизнь сурова и строго регламентирована уставом. Но и во фронтовом быту имелись свои неписанные правила и обычаи. Одни пришли из прошлого воинского быта, другие появились в годы Отечественной войны. Так, существовал давний обычай русского воинства надевать чистое белье перед боем (если оно, конечно, было!), что имело свою гигиеническую основу – предупреждение возможного заражения крови. Припомним в этой связи и повсеместный русский обычай надевать на умершего чистую (лучше ненадеванную) одежду. А ведь каждый солдат, идущий в бой, отчетливо осознавал, что смерть – вот она, рядом, все могут быть убиты –

значит, надо к близкой смерти должным образом и подготовиться: с тщательностью чистилось и проверялось личное оружие перед сражением. Накануне боя старались много не есть – ранение в брюшную полость при пустом желудке менее опасно, чем при полном.

Следует сказать, что на фронте широко бытовали приметы и поверья. Была вера в «вещие сны», в амулеты. Многие воины свято верили в то, что фотография близкого человека, хранимая у сердца, в кармане гимнастерки, «отводит пулю». Вот убедительный пример из моих наблюдений: сержант Авласенко (1922 г. р., белорус, образование 7 классов) носил фотографию своей возлюбленной с надписью:

Носи в кармашке
Свою Наташку.
Пока я с тобой,
Ты будешь живой!

Авласенко верил в свой «талисман», как он сам называл это фото, и никогда с ним не разлучался. В одном из боев осколок мины срезал с его гимнастерки карман вместе с фотографией. Авласенко был контужен. Как только он пришел в себя, сразу заволновался: цела ли фотография? Ее не было. Сержант не успокоился, пока не получил точно такую же с такой же надписью. Но произошло это не сразу, и пока карточка дошла до него, он дважды был ранен (правда, легко), причем твердо был уверен в том, что ранен потому, что при нем не оказалось его «талисмана».

Иногда вместо фото в кармане гимнастерок хранили письма от любимых и близких. Мне приходилось сталкиваться и с верой бойцов в защитную силу стихотворения К. Симонова «Жди меня», но его нужно было обязательно переписать самому и хранить у сердца. В этом случае оно, с одной стороны, «отводило пулю», а с другой – обеспечивало верность оставленной в тылу жены или возлюбленной. Конечно, этому способствовали использование Симоновым заговорной формы в стихотворении, впечатляющий рефрен «жди меня» в, казалось бы, совершенно безвыходных ситуациях, гипнотическая сила поэзии этого стихотворения.

Еще один пример: отрывок без начала и конца, очевидно, заговора, который передал мне боец похоронной команды Сергей Семенов летом 1944 г. Он нашел эти бумаги в кармане гимнастерки солдата, убитого под Могилевом. Вот что можно разобрать: «...Будут стрелять автоматы, а пули б были не в пули; будут палить минометы, а мины б были б не в мины; будут бомбить самолеты, а бомбы б были б не в бомбы, а пошли б они в сырую землю, в чистое поле, на дикие луга, в темные леса, а был бы я...». Отрывок не дает возможности точно установить, что это – часть заговора или какой-то иной текст фольклорного происхождения.

Следует заметить, что бойцы зачастую стеснялись своей веры в приметы и заговоры, таили ее. Но в условиях фронтового быта, когда вся жизнь на виду, скрыть это было сложно. Еще один интересный факт зафиксирован мною в мае 1945 г.: боец, отмечая День Победы, выпустил в воздух обойму патронов, полученных им в 1941 г. и хранимых в течение всей войны с клятвой не тратить их до конца сражений. Он был твердо убежден в том, что именно соблюдение «обета» помогло ему выжить: первая пуля, полученная при призыве в армию, должна была стать последней, выпущенной им в день окончания войны⁸.

Подробнее остановлюсь именно на верованиях и суевериях, которые в экстремальных условиях войны вдруг проявлялись с особенной силой. Несомненно прежде всего всплеск интереса к вере, к религии. Один из моих начальников, инженер Б.Л. Флауменбаум, кандидат химических наук, как-то сказал мне, что «в окопах атеистов не бывает». Даже если он и преувеличил данный факт, то неамного. В условиях постоянного ожидания возможной смерти люди неизбежно ищут от нее спасения, в том числе и в религии. Однако мне редко встречались искренне верующие, знающие и выполняющие обряды христиане. Чаще я сталкивался с обычным бытовым суеверием, верой в приметы, в «обереги», в судьбу.

Примет во фронтовом быту имелось великое множество, в одних частях – одни, в других – иные. Но большая часть их носила характер запретов. Нельзя было материться перед боем (во время битвы это нормально, а перед ней – ни-ни!). Не следовало ничего дарить «на память» перед сражением или отправкой в разведку – тем самым можно смерть на себя накликают. Но обязательно обменивались адресами с друзьями: мало ли что бывает, в случае чего сообщат... Ни в коем случае нельзя было надевать на себя вещи только что погибшего (чаще всего речь шла о сапогах, которые в начале войны были в дефиците) – плохая примета: «его» убили и тебя убьют... Да что там сапоги! Даже часы (а уж они-то являлись большой редкостью среди рядовых) с убитого снимать было нельзя: убьют!

О себе скажу: я не был суеверен, являлся убежденным атеистом, не верил «ни в сон, ни в чох, ни в птичий грой», а часы с убитого (даже немца!) не мог взять. Мне трудно и сейчас объяснить, почему. Не мог и все тут! После войны, демобилизуясь, мы обменялись со старшиной Исаковым памятными подарками перед разлукой: я ему отдал сапоги, а он мне – швейцарские часы марки «Гельвеция» – долго они мне служили...

Вообще с убитыми связано много поверий. Нельзя было на своем теле показывать, куда смертельно ранен человек: и с тобой могло то же произойти... Очень был распространен на фронте солдатский фатализм: «Что кому на роду написано, то и случится!» Когда получали ложное извещение о смерти солдата, а он оказывался жив, говорили: «Долго жить будет!» Бойцы старались перед боем не думать о дурном (дурные предчувствия сбываются!), поэтому заполняли досуг перед сражением чем-нибудь таким, что не оставляло времени на раздумье. Чаще всего чистили оружие или просили солдат-«сказочников» рассказать длинную-длинную сказку со счастливым концом... Имелась еще одна верная примета: если трусишь перед боем – обязательно убьют, как ни хоронись!

Были и приметы профессионального толка – например, бывшие моряки всегда на голое тело надевали полосатые тельняшки, а уж потом – нательную рубашу и гимнастерку. Верили, что тельняшка «пулю отводит». Многие бойцы всегда носили с собой одну и ту же гранату-«лимонку» (и звали ее «неразлучницей») – на всякий случай: если и буду погибать, так вместе с собой и гитлеровца прихватчу!

Очень часто встречалось обыкновение писать домой письма без упоминания о предстоящем бое. На написание писем командование даже отводило специальное время перед боем (если имелась, конечно, возможность). Но в этих письмах бойцы ни в коем случае не сообщали, что, мол, скоро – сражение. Об этом – ни слова, иначе убьют! Вот с таким бытовым мистицизмом мне часто приходилось сталкиваться на фронте⁹.

Не буду подробно останавливаться на значении кинофото документов для характеристики менталитета в годы войны. Известна роль фронтовых кинодокументалистов в сохранении для потомков зрительного образа великой войны, облика воинов-победителей, партизан и тружеников тыла, жизни народа, трудной и полной лишений, хода боевых действий. Источниковеды давно уже отметили, что кинофото документы – это зрительная (вернее, зримая!) форма репрезентации и фиксации исторических фактов с максимальной точностью, не доступной другим типам источников. **Визуальные** источники имеют не меньшее значение и для воссоздания менталитета народа. Иногда документально зафиксированный внешний облик человека больше скажет о его внутреннем мире в данный момент, чем самый подробный устный рассказ.

Взгляните в истомленные непрерывными боями лики солдат, в безграничную усталость женщин, стоявших в очередях, чтобы «отovarить» продуктовые карточки, в недетские глаза оставшихся в живых малышей, потерявших и родителей, и дом! Ведь неслучайно именно эти кадры используют кинодокументалисты, создавая потрясающие по силе своего воздействия фильмы¹⁰. Духовный мир народа, жесты и слова людей, заснятые или закрепленные в звуковых документальных фильмах, выдают такие помыслы и чувства, которые никогда не будут с предельной точностью и

объективностью отражены в источниках других типов. Именно поэтому кинофото- и фонодокументы и являются важным источником для раскрытия менталитета народа.

Самое же важное значение кинофотодокументов для изучения менталитета нашего народа в годы войны в том, что документальные фильмы о войне неопровержимо свидетельствуют о главном: победа была одержана не благодаря совершенству оружия (хотя и оно было важно!), превосходству нашей стратегии и тактики (это проявилось лишь на заключительном этапе войны), организации и дисциплине в армии (фашистская военная машина была не менее совершенна!). Главными факторами победы были дух народа, честь армии, беззаветное служение Родине, заставлявшее встать всему народу на защиту родной земли. На фронт шли добровольцами не только коммунисты и комсомольцы, но и дети обиженных советской властью, дети раскулаченных и сосланных, кулаков и священников. Тем и дороги кинофотодокументы, что они точно и беспристрастно и в то же время неопровержимо засвидетельствовали и донесли до нас и потомков невысказанный в обычное время взлет глубинных ментальных свойств и качеств, вылившийся в героический подвиг всего советского народа.

На одно из первых мест среди источников по изучению менталитета следует, безусловно, поставить **фольклорные**. Их источниковедческое значение давно уже отмечено фольклористами¹¹. Правда, источник этот весьма специфичен, он редко и с оглядкой используется историками, сомневающимися в точности и достоверности сведений памятника, прошедшего через многократную устную передачу. И они правы в своих сомнениях. Устная форма распространения и хранения известий имеет определенный недостаток: фольклорное произведение, как правило, утрачивает способность к передаче точных сведений о лицах, фактах, месте и времени совершившихся событий. Но зато оно бережно хранит в себе и доносит до нас оценку и осмысление народом этих фактов, событий, лиц. Хорошо об этом сказал Н.В. Гоголь, характеризуя в свое время украинские песни: «Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в явном величии»¹². Иными словами, фольклорное произведение больше, чем другие типы источников, важно именно для раскрытия менталитета народа, его «изгибов и оттенков чувств, волнений, страданий и веселий».

Своеобразие фольклора Великой Отечественной войны получило уже оценку в науке¹³, но его значение для характеристики менталитета народа раскрыто еще недостаточно. Главное внимание фольклористов было обращено на анализ патриотического смысла устного народного творчества и отображение в нем роли партии и Сталина в разгроме врага и победе советского народа¹⁴. В то же время глубоко личные чувства и переживания бойцов (тоска по дому, матери, возлюбленной, детям, предчувствие возможной смерти в бою и т.д.), а также тягостные ожидания писем с фронта женами, матерями, возлюбленными, их горестные сомнения и отчаяние от одиночества остались за пределами внимания ученых. А если подобные переживания и встречались собирателям фольклора, то оказались незаписанными как «нетипичные» или же остались в рукописи и не были опубликованы¹⁵.

Приведу один пример. На фронте исполнялись не только песни с твердой уверенностью в победе (такие песни были, это факт!), но и переделки старинных солдатских песен-раздумий с приурочиванием их к новой обстановке. Такова песня «Не для меня придет весна», широко известная и ранее, но на фронте в нее были вставлены новые строки:

А для меня опять война...
Угонят в дальнюю сторонку,
Сражусь с фашистом при атаке,
Где пуля ждет давно меня...

Понятно, что песни подобного рода не могли включаться в публикации фронтового фольклора, так как выпадали из общего мажорного тона песенной лирики тех лет. Правда, таких песен было немного, но они существовали и, следовательно, отображали какие-то грани менталитета воюющего народа.

Или возьмем другую широко распространенную тему фронтового фольклора – тему верности. Народом было создано много волнующих произведений о верной подруге, ждущей возвращения с фронта любимого, о верном бойце, свято хранящем память о родном доме и подруге. Эти песни, безусловно, преобладали в фольклоре военных лет. Но надо быть правдивым и искренним и не закрывать глаза на то, что в устном народном творчестве того времени встречались и песни, оправдывающие бесшабашность сердцеда-ловеласа, стосковавшегося за четыре года войны по женской ласке и потому не брезгующего случайными связями.

Как много их, не перечеть,
И в Омске есть, и в Томске есть
Моя любимая...
А еще ждет меня давно
Законная жена –
Тебя забыть мне суждено,
Моя любимая...

Песни подобного рода исполнялись на мотив песни «Моя любимая»:

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя...
Так значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая...

Правда, самой популярной вариацией на тему женского непостоянства была песня, сложенная на популярный мотив «Огонька» с таким поворотом сюжета: боец пишет девушке в письме, что ему оторвало ногу, и спрашивает, примет ли она инвалида? Та отвечает:

...Ковыляй потихонечку,
Про меня позабудь.
Может, вырастут ноженьки,
Проживешь как-нибудь...

Кончается война, боец возвращается живой и невредимый:

...И вся грудь в орденах.
Шел походкою гордой
На обеих ногах!

Итог: неверная посрамлена. Песня пользовалась огромной популярностью на фронте, фольклористы записывали ее, но она почти не публиковалась по понятным теперь причинам. Добавим к сказанному: переделка (фольклоризация) авторских произведений – явление давнее, уходящее своими корнями еще в XVIII в. Переделывались и хорошо известные стихи виднейших классиков – Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Исаковского, Твардовского и др., и творения малоизвестных поэтов (классический пример – «Шумел, горел пожар московский»). И во фронтовом фольклоре мы встречаем отклики как на очень известные авторские произведения («Землянка» Суркова или знаменитая «Катюша»), так и на стихи явно авторского происхождения, хотя автор и не установлен¹⁶.

Было много переделок песен героического характера, а еще больше – авторских лирических песен. Если героические песни Великой Отечественной войны многократно записывались, издавались и комментировались, то лирическим произведениям повезло меньше. Они в лучшем случае были приложением к героике. А между тем для характеристики менталитета народа в годы войны важны как те, так и другие. Более того, лирические песни порой дают исследователю гораздо больше материала: они полнее и ярче раскрывают внутренний мир бойца, его душевное состояние.

Нет, героика забывать, конечно, нельзя, она была на фронте. В лучших произведениях устного народного творчества того времени героика и лирика так тесно переплетались, что их иногда трудно разделить. При этом героизм воина-защитника не умаляет подвига оставшейся в тылу подруги. Вот например:

Письма сержанта

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал.
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружию читал...
А письма летели сквозь дальние ветры,
Сквозь пламя и горе войны
В зеленых, как листья, знакомых конвертах,
Сердечные письма жены!
Писала, что родиной стал на чужбине
Далекий сибирский колхоз,
Жалела, что муж не оставил ей сына –
«Отца б дожидался и рос...»
Читали – улыбка с лица не сходила,
Читали, слезы не сдержав...
Хорошая жинка досталась сержанту,
Будь счастлив, товарищ сержант!
Пошли ей, сержант, фронтовые приветы.
Земные поклоны от нас.
Любовь да совет вам, да маленьких деток,
Когда отгрохочет война!
А ночью враги оборону прорвали...
Отчизне грозила беда...
И пал он обычного смертью солдата,
Заветный рубеж не отдав.
Друзья собрались и жене написали,
Как младшей сестре боевой:
«Поплачь же, родная, забудет печали,
Поплачь же над ним, над собой!».
Ответ получили в знакомом конверте,
Зеленом, как листья весной...
И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой...
Когда же войны отгрохочут раскаты
И каждый домой заспешит,
Тогда я невольно заплачу, солдаты,
По-женски заплачу, навзрыд...
Так бейся же насмерть, отважная рота,
Готовь отомщенье свое
За то, что не плачет жена патриота,
За гордое сердце ее!

Песня эта, исполнявшаяся на немудреный вальсовый мотив, пользовалась большой и заслуженной популярностью, хотя ее и редко записывали – видимо, отпугивал явно профессиональный характер этой песни. Автор ее мне не известен. Она исполнялась как на фронте, так и в прифронтовой полосе среди мирных жителей. Так, в архиве Государственного литературного музея хранится песенник из г. Ефремова Тульской обл. – в него она была внесена в 1943 г.

Подробный анализ фольклора как важнейшего исторического источника для характеристики менталитета советского народа в годы Великой Отечественной войны – тема особого исследования. Поэтому в настоящей обзорной статье я ограничусь лишь самыми общими выводами. Первый из них – пора перестать основываться только на печатных изданиях текстов: они выборочны и неполны. Настает время заново переосмотреть все фольклорные записи, находящиеся в архивах, с тем чтобы создать новое обобщающее исследование фольклора тех лет, основанное на всех сохранившихся материалах. Второй вывод: соответствующим научным центрам необходимо срочно организовать дополнительный сбор имеющихся у бывших фронтовиков писем, дневников, альбомов, песенников, с тем чтобы сберечь для потомков этот бесценный материал. И третий вывод: следует начать исследовать фольклор афганской войны в сопоставлении с фольклором Великой Отечественной. Это поможет полнее и ярче раскрыть менталитет советского народа в разных военных ситуациях.

Перехожу к характеристике главного типа исторических источников для раскрытия нашей темы – **письменным**. Несомненно, все роды, виды и разновидности письменных памятников содержат тот или иной материал для характеристики менталитета. Но также бесспорно и то, что основными среди них будут памятники личного происхождения – автобиографии, мемуары, дневники, воспоминания и, конечно, самые важные среди них – письма.

Эта разновидность письменных источников личного происхождения давно уже привлекала внимание не только ученых, но и самых широких масс трудящихся. Их часто издавали. Публикация «Письма с фронта» началась еще в годы войны (например, Казань, 1943; Тамбов, 1943; Алма-Ата, 1944; Ленинград, 1944 и др.) и носила не научный, а пропагандистский и общественно-воспитательный характер. Традиция эта была продолжена и сразу после окончания войны (например, Ашхабад, 1946; Ташкент, 1949 и др.). Все перечисленные и многие другие публикации основывались на материалах фронтовых и местных газет, иногда на передачах по радио, частично – на подлинных присланных с фронта и переданных в архив письмах (например, Ташкент, 1965). Многие публикации – это литературная обработка солдатских писем (например, Кемерово, 1967, Донецк, 1974 и др.). Новый всплеск подобных изданий падал на 25-, 30- и 40-летие Победы (например, Новосибирск, 1970; Пермь, 1975; Саранск, Грозный, Минск, Кривой Рог, Вологда, 1985 и др.). Были и такие публикации, которые представляли собой завершение большой поисковой и собирательской работы, предпринятой Археографической комиссией АН СССР и кафедрами истории СССР различных пединститутов, местных архивов, работников районных и областных газет и пр. (например, Архангельск, 1979). Публикация писем с фронта продолжается вплоть до наших дней (например, Смоленск, 1991; С.-Петербург, 1992).

Однако вплоть до самого последнего времени солдатские письма при издании проходили строжайший отбор. Публиковались только те из них, которые отвечали строгим требованиям и установкам правительственной цензуры. При издании из писем изымались факты и оценки, не укладывавшиеся в общепринятую, с точки зрения правительственных структур, норму. Так, мы почти не встретим в подобных публикациях с фронта ноток уныния, безысходности и др., а ведь они были! Все письма как на подбор говорят о готовности бойцов к подвигу, об их решимости защищать Родину от врага, об их беззаветной преданности партии и Сталину – одним словом, в них предстают не реальные солдаты, а рыцари без страха и упрека.

Были ли все эти и подобные им мотивы в солдатских письмах? Безусловно, да! Но ведь следует учитывать и то, что войны старались сообщать своим родным в тылу

больше положительного, чем отрицательного, чтобы не волновать понапрасну близких. Отсюда в каждом письме в родной дом – уверения в том, что жив-здоров, а если ранение, то пустяковое, кормят хорошо, начальство заботливое и т.д. Однако это была сознательно приукрашенная действительность, скорее желательная, чем реально существовавшая.

Гораздо более объективны письма к друзьям-фронтовикам. В них бойцы писали правду, хорошо осознавая, что их адресаты живут не в лучших условиях, чем они сами. Но беда в том, что если письма солдат с фронта домой сохранялись, как правило, родными и даже многократно перечитывались, то письма с фронта на фронт, увы, пропадали в суматохе фронтового быта. Да и где их было хранить? Они погибали, как и их получатели. Сохранились лишь те из них, что не были по тем или иным причинам доставлены адресатам и списаны в архив.

Вторая особенность писем с фронта к родителям и родным состоит в том, что их содержание обычно крайне однотипно: краткая справка о состоянии здоровья, очень общий рассказ о фронтовом быте, пожелания здоровья и счастья и уверения в готовности сражаться до победы, надежда на возвращение домой. В письмах к женам и любимым – воспоминания о прошлом счастье, уверения в прочности чувств, надежда на свидание, забота о детях и опять осуждение фашистских захватчиков и вера в их скорый разгром. Более подробно и содержательно письма раненых бойцов из госпиталей и больниц: сама обстановка способствовала более обстоятельному рассказу о военных делах, но и в этих письмах было не так уж много перемен в содержании.

Крайне редко встречаются в письмах размышления о причинах возникновения войны, ее осуждение, анализ особенностей противника. Правда, на фронте воевали люди с разным уровнем культуры и образования и потому письма были тоже разными. Встречались среди них и письма-раздумья, и письма оценочного характера, и письма тех бойцов, которые и на фронте старались сохранить в себе качества «человека мыслящего»...

Приведу один пример. Вместе со мной тоже добровольцем пошел на фронт мой товарищ с литфака Московского Государственного педагогического института им. К. Либкнехта Павел Митров. Под влиянием лекций проф. Б.А. Грифцова мы оба увлекались немецкими поэтами-романтиками и, идя на фронт, взяли с собой маленькие карманные словари – немецко-русский и русско-немецкий. Одно время мы служили в одном подразделении в Московской Коммунистической дивизии, потом его перевели в другое, и мы переписывались. Не желая терять квалификацию, мы продолжали для тренировки переводить взятые с собой книги. Он – учебное издание Гёте «Страдания молодого Вертера», а я – лирику Гейне... И это в то время, когда мы сражались с потомками этих великих поэтов! Но мы строго отделяли фашистов от немцев и деяния фашистов от высочайших достижений немецкой культуры. Мы, переписываясь, посылали друг другу свои переводы и обсуждали их. В его письмах высказывалось глубокое убеждение, что разум победит, по его словам, «разбушевавшееся безумие войны».

Увы, переписка продолжалась недолго. Вскоре цензура обратила внимание на «не нужные умствования» (как выразился мой комиссар), и мой комбат по-дружески посоветовал мне «не дразнить гусей» и не ждать, пока мною заинтересуется представитель СМЕРШа... Переписка превратилась в обычный обмен фактической информацией: «Жив, здоров, громим фашистов...»

Не буду подробно останавливаться на других источниках личного происхождения, отмечу лишь важность глубокого источниковедческого анализа песенников (альбомов) фронтовиков: сам отбор песен ярко характеризует душевный облик и менталитет его составителя. Записывалось только то, что было близко и созвучно душе хозяина песенника, соответствовало его сердечному настрою. Мне приходилось встречаться с песенниками преимущественно любовного содержания, с собранием сатирических частушек. Один из встретившихся мне альбомов был посвящен одной теме – матери и тоске по материнской заботе и ласке... Существовали и песенники героического

содержания, и такие, где записи песен перемежались с заметками дневникового характера¹⁷.

Конечно, для полного и всестороннего раскрытия менталитета советского народа в годы войны необходимо привлечь и другие роды и виды письменных источников – вплоть до официальных документов, донесений политруков, материалов работы и деятельности политорганов, периодической печати (особенно фронтовой, низовой, боевых листков и пр.). Необыкновенно интересным был бы анализ архивов фронтовых газет, содержащих подлинные письма и заметки бойцов (как правило, при перепечатке они подвергались определенной правке!), однако эти архивы в их полном составе по ряду известных причин не сохранились.

Вывод может быть только один: лишь при комплексном рассмотрении исторических источников самых разнообразных типов, родов и видов возможно более или менее полное воссоздание менталитета фронтовиков, а значит, и всего народа в годы Великой Отечественной войны – Народа-воина, Народа-защитника, Народа-победителя, Народа-труженика – на одном из самых трагических и героических этапов его существования.

Появившиеся в последние годы историко-психологические исследования в области самоощущения человека на войне должны быть углублены и расширены – фольклористам есть что сказать по этой проблеме.

Примечания

¹ В действующую армию за годы войны было призвано около 34,5 млн. чел. См.: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и вооруженных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 222. Если же к ним прибавить обслуживающие части и учреждения, то число лиц, непосредственно связанных с фронтом, возрастает еще больше. В целом можно считать, что почти треть населения СССР воевала или обслуживала фронт.

² *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *её же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *её же*. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование. Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1999 и ряд статей того же автора.

³ *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. С. 7–16.

⁴ В общетеоретическом плане это хорошо раскрыто в немецком обобщающем труде *Dinzelbacher P.* (Hg). Europäische Mentalitätsgeschichte. Stuttgart, 1993. Рецензию Л.Н. Пушкарева на эту книгу см.: Вопросы истории. 1995. № 8. С. 167–169. См. также: *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–160.

⁵ См. об этом подробнее: *Пушкарев Л.Н.* Письменная форма бытования фронтового фольклора // Этнограф. обозрение. 1995. № 3.

⁶ *Черных П.* Русский язык в дни войны: Заметки собирателя // Сибирские огни. 1946. № 4. С. 98–106; *Кожин А.Н.* О словах с переносным значением в русском языке эпохи Великой Отечественной войны // Уч. зап. Московского областного пед. ин-та. Т. 35. Тр. каф. рус. яз. Вып. 3. М., 1956. С. 69–92.

⁷ *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1951. С. 109; *Домановский Л.В.* Пословицы, поговорки, загадки, прозвища и меткие слова // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., Л., 1964. С. 240–266.

⁸ См. об этом подробнее: *Пушкарьов Л.М.* Сталість форми історичного джерела // Історичні джерела та їх використання. Вып. 3. Київ, 1968. С. 31–40.

⁹ *Сенявская Е.С.* «Что с богами, то и со мной» (Атеисты в религиозной войне) // Родина. 1999. № 2; *её же*. Бытовая религиозность на войне (на примере двух мировых и советско-афганской войн) // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996; *её же*. Вера и суеверие на войне (на материале двух мировых и афганской войн) // «История» (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). 1998. Август. № 31. С. 1–3. См. также: *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

¹⁰ *Пушкарев Л.Н.* Источниковедческие проблемы кинофотодокументов // Сов. архивы. 1968. № 2; *Магидов В.М.* Зримая память истории. М., 1984.

¹¹ *Соколова В.К.* Фольклор как историко-этнографический источник // Сов. этнография. 1960. № 4. С. 11–16; *Пушкарев Л.Н.* Специфика фольклора как исторического источника // Современное состояние народного творчества. Л., 1970. С. 21–22; *Чистов К.В.* Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 3–15; *Вдовин И.С.* О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Там же.

С. 16–24; *Пушкарёв Л.Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. М., 1994. С. 8–18 и др.

¹² *Гоголь Н.В.* О малороссийских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 4. С. 17. См. также *Черепнин Л.В.* Исторические взгляды Гоголя // *Вопр. истории.* 1964. № 1. С. 90.

¹³ См. Последний обобщающий труд на эту тему: *Русский фольклор Великой Отечественной войны.* М.: Л., 1964.

¹⁴ См., напр., *Самарин Г.* Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе, 1946; *Тонков В.А.* Идеино-воспитательное значение советского фольклора // *Изв. Воронежского гос. пед. ин-та.* 1948. Т. 10. Вып. 3. С. 83–102; *Кан-Шаргородская Х.А.* Героика Советской армии в народном поэтическом творчестве. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950.

¹⁵ См., напр.: *Фронтовой фольклор.* М., 1944; *Крупянская В.Ю., Мишц С.И.* Материалы по истории песни Великой Отечественной войны // *Тр. Ин-та этнографии.* Новая серия. Т. XIX. М., 1953; Народное творчество Тульской области в дни Великой Отечественной войны // *Уч. зап. Тульского гос. пед. ин-та.* Вып. I. Тула, 1948. С. 122–141 и рецензия на эту работу Н. Корнеева // *Коммунар.* 1948. № 246. 12 дек.; *Фронтовой юмор / Сост. В.Н. Вирен.* М., 1970; *Войны кровавые цветы: устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А.Г. Гончарова.* М., 1979 и другие публикации.

¹⁶ См. Многочисленные примеры в комментариях: *Крупянская В.Ю., Мишц С.И.* Указ. раб.

¹⁷ См. обзоры песенников, хранящихся в различных архивах, в статьях С.И. Мишц, С.И. Дмитриевой и Г.Г. Шаповаловой в кн.: *Русский фольклор Великой Отечественной войны.* С. 408–411.

L.N. P u s h k a r e v. Man in the war (Sources for studying the front – line soldiers' mentality of the years of the Great Patriotic war, 1941–1945)

The article points out that the shortage of modern knowledge concerning the mentality of the front-line soldiers in the years of the Great Patriotic war is caused by the limited nature of the source study basis and, most importantly, by the selective nature of the analysis of the data available therein.

While taking part in the war himself the author collected and wrote down front-line folklore. The materials he had collected constitute the very basis of the present publication as aimed to replenish the white spots in the theme «Man in the war».